

Только когда совсем стемнело, фигура Цзи Цзяньчэня, словно призрак, появилась в комнате. Гу Шаобай вздрогнул.

Если легкое движение Фан Цинчи можно было сравнить с полетом ласточки, то Цзи Цзяньчэнь был как дух, способный беззвучно напугать до смерти.

Фан Цинчи, протирая ножны меча, даже не поднял глаз:

— Все устроено?

Цзи Цзяньчэнь фыркнул, взял со стола сладость и, улыбнувшись Гу Шаобаю, спросил:

— Шаобай, скучал по мне?

Гу Шаобай бросил взгляд на его сверкающие зубы и промолчал. Человек, способный быть настолько бесстыдным, действительно редок, а красавец, который так бесстыдно флиртует, и вовсе уникален!

Но разве не должно быть наоборот? Такой красавец должен быть объектом флирта!

Однако он не мог не признать, что даже в самых легкомысленных действиях и словах Цзи Цзяньчэня чувствовалась острая и холодная аура.

Это было не то чувство, которое вызывает мурашки, а настоящее, леденящее душу ощущение!

— Эти сладости для меня? — спросил Цзи Цзяньчэнь.

При свете лампы Цзи Цзяньчэнь выглядел еще более сияющим, чем днем. Его глаза были слегка приподняты, брови тоже, что создавало естественное очарование в уголках глаз и бровей. В сочетании с прямым носом и тонкими губами он был похож на прекрасную картину, нарисованную тонкой кистью.

Хотя его внешность была соблазнительной, в ней не было ничего вульгарного. Время от времени в его черных глазах мелькал холодный свет, и весь он был как роза, расцветшая на бескрайнем ледяном поле — прекрасная, но холодная!

Гу Шаобай отвел взгляд:

— Это для Цинчи. У тебя есть свои, в твоей комнате.

Цзи Цзяньчэнь, услышав это, оживился и снова положил руку на плечо Гу Шаобая, наклонившись к его лицу, светящемуся в лампе, как тонкий фарфор:

— Тогда отведи меня...

Гу Шаобай выскользнул из его ослабленной хватки:

— Когда мы начнем завтра? Я тоже пойду.

Цзи Цзяньчэнь взял чашку Гу Шаобая и, не стесняясь, отхлебнул:

— Ты? Зачем тебе идти? Мешать?

Он говорил правду, и Гу Шаобай не мог ничего возразить. Он не владел боевыми искусствами,

так что действительно был бы только помехой.

Фан Цинчи, видя его смущение, терпеливо успокоил:

— Шаобай, тебе не нужно идти. Остайся с моим старшим братом, я справлюсь один.

— Что? Один? — Гу Шаобай посмотрел на Цзи Цзяньчэня, но не сказал вслух: я заплатил десять тысяч лянов, как ты можешь не идти?

Цзи Цзяньчэнь, словно услышав его мысли, поднял взгляд:

— Твои десять тысяч лянов не стоят того, чтобы я шевелил пальцем...

Гу Шаобай был ошеломлен этими словами. Пробормотав что-то, он ушел в свою комнату.

На улице уже стемнело, но во дворе все еще не было никаких признаков активности.

— Ты уже двадцать раз обошел вокруг меня, как будто крутишь жернова, — Цзи Цзяньчэнь, полулежа на кровати, чувствовал, как перед глазами начинают мелькать звезды. — Может, отдохнешь?

Этот дом находился в тихом районе на юге города. Здесь было всего три комнаты и небольшой двор. Хотя он был маленьким, он был безопасным и чистым. Минъюэ, должно быть, изрядно побегал, чтобы найти такое место — хорошее, дешевое и незаметное.

Гу Шаобай перестал ходить кругами и стал выглядывать в окно.

Цзи Цзяньчэнь, не в силах удержаться от шутки, насмешливо сказал:

— Если будешь так смотреть, превратишься в лебедя.

Гу Шаобай, казалось, не слышал его. Он был в отчаянии. Что, если Фан Цинчи потерпит неудачу? Что, если конвой изменит маршрут? Что, если он не узнает Му Люняня?

Цзи Цзяньчэнь тихо засмеялся:

— Сяо Фан не провалится. Эти солдаты — легкая добыча; этот путь ведет прямо к станции Сяньян, и если они изменят маршрут, то к ночи не найдут места для ночлега, так что не станут этого делать; твои рисунки настолько хороши, что даже слепой узнает Му Люняня.

Гу Шаобай резко обернулся. Кто он — человек, призрак или червь, заползший в его мозг?

Цзи Цзяньчэнь, видя его выражение, рассмеялся:

— Все эти вопросы написаны у тебя на лице...

В этот момент ворота двора с грохотом открылись, и Фан Цинчи вошел, неся на спине человека, полностью завернутого в черный плащ. Затем он сделал знак рукой, и снаружи послышался быстрый стук копыт, который вскоре затих.

Цзи Цзяньчэнь на этот раз проявил понимание и освободил кровать. Гу Шаобай помог Фан Цинчи уложить человека.

Когда плащ сняли, открылось изможденное лицо. На нем были видны глубокие впадины на

щеках, синяки и неестественный румянец на скулах. Человек был в сознании, но его взгляд долго блуждал, прежде чем остановился на Гу Шаобае. С сухими губами он прошептал, голос его был хриплым и неестественным:

— Это... Шаобай?

Гу Шаобай крепко сжал его костлявую руку, и слезы потекли из его глаз:

— Это я, это я... Люнянь, ты так много страдал...

На лице Му Люняня появилась слабая улыбка. С трудом он произнес:

— Я думал... что никогда больше тебя не увижу...

Его тонкие пальцы, как ножи, впивались в ладонь Гу Шаобая, вызывая боль. Гу Шаобай с дрожью в голосе сказал:

— Люнянь, все в порядке... все позади... тебе нужно поправиться.

Му Люнянь слабо кивнул:

— Мой отец... они...

Гу Шаобай ответил:

— Князь Юй и другие были лишь сосланы. Когда ты поправишься, сможешь их найти.

Беззвучно две слезы скатились по его лицу и исчезли в волосах. Му Люнянь закрыл глаза, больше не говоря ни слова, понимая, что, вероятно, больше никогда их не увидит.

Гу Шаобай, не видя, как он открывает глаза, начал беспокоиться.

Цзи Цзяньчэнь спокойно сказал:

— Все в порядке, он просто уснул.

Гу Шаобай заметил, что пальцы Цзи Цзяньчэня уже лежали на запястье Му Люняня. Он с благодарностью посмотрел на него:

— Спасибо.

Цзи Цзяньчэнь убрал руку и снова начал шутить:

— Шаобай, кто этот больной? Твой старый возлюбленный?

Гу Шаобай сердито посмотрел на него:

— Нет.

Он подумал и добавил, чтобы не вводить Цзи Цзяньчэня в заблуждение:

— Мы хорошие друзья. Он слаб здоровьем, и если бы я его не спас, он бы умер.

— А, — кивнул Цзи Цзяньчэнь, задумчиво. — Тогда я спокоен!

Гу Шаобай подумал: «Какое тебе дело до этого? О чем ты вообще беспокоишься?»

Он повернулся к Фан Цинчи, чтобы узнать, как прошла операция и не осталось ли следов. Но прежде чем Фан Цинчи успел ответить, Цзи Цзяньчэнь фыркнул:

— Ты сомневаешься в моей профессиональной этике?

Гу Шаобай удивился. Профессиональная этика? У грабителя?

Фан Цинчи похлопал его по плечу и спокойно улыбнулся:

— Не волнуйся.

Затем он достал из кармана маленький нефритовый флакон:

— У него жар, вероятно, простуда из тюрьмы. Это лекарство старшего брата, самое эффективное.

Сыту Хай, врач из «Башни Черных Одежд», был мастером в изготовлении лекарств.

— Сколько это стоит... — робко посмотрел Гу Шаобай на Цзи Цзяньчэня.

Цзи Цзяньчэнь, скрестив руки на груди, насмешливо посмотрел на него, стараясь удержаться от улыбки:

— Ладно, это в подарок...

Сжимая флакон, Гу Шаобай почувствовал облегчение, и даже этот легкомысленный человек стал казаться ему менее раздражающим.

Цзи Цзяньчэнь, прислонившись к подоконнику, чувствовал, как ночной ветерок слегка поднимает прядь его волос. В тусклом свете улыбка Гу Шаобая была как огонек лампы, распространяющий тепло, которое вызывало странное трепетание в его сердце.

Внезапно его ясные и яркие глаза, как холодный горный источник, смыли всю кровь и убийства, скрытые во тьме, не оставив следа.

Ветер принес аромат цветов, наполнив сердце сладостью.

Дворец, окутанный дымкой, высокие ворота города.

Глубокая ночь. Красное деревянное окно с резьбой отражало силуэт, слегка согнутый за письменным столом, отличающийся от его обычной прямой осанки, как ослабленный лук, слегка покачиваясь в свете свечи, создавая чувство одиночества и печали.

Чжоу Пин поставил чашку на стол, и легкий звук разбудил слегка прикрытые глаза.

<http://bllate.org/book/16730/1538578>